



Максим Петрович Кончаловский в 1935 г.

## МАКСИМ ПЕТРОВИЧ КОНЧАЛОВСКИЙ: ТЕРАПЕВТ, ПЕДАГОГ, НОВАТОР

**В истории отечественной медицины сияет много ярких имен, чьи труды не могут и не должны быть забыты. Великие русские врачи обладали энциклопедическими знаниями, истинной интеллигентностью, высокой культурой слова. Их глубокая эрудиция и огромный врачебный опыт должны быть полезными современному врачу, и поэтому важно сохранить память о мастерах русской медицины.**

**В октябре этого года исполнилось 140 лет со дня рождения Максима Петровича Кончаловского. Современники называли его отцом русской клинической медицины. Это был блестящий клиницист и высокообразованный врач, великолепный педагог и мастер интуиции, признанный ученый и автор крупнейших открытий.**

Максим Петрович еще в первых классах школы твердо решил: он хочет быть врачом. Скорей всего, сыграли свою роль гены – дед Максима Петровича был морским врачом, о нем много рассказывал отец. О том, чтобы идти, например, в модную в то время юриспруденцию не было и мысли. Конечно, практика юриста сулила хороший доход, большие деньги, в которых студент Кончаловский поначалу очень нуждался, но желание лечить людей, помогать им было сильнее.

После окончания третьего курса университета в 1897 г. Кончаловского пригласили на работу в Архангельск. Там, у местного фельдшера, он впервые приобрел практические знания в медицине. Начинать с элементарного: вскрытие флегмон, удаление зубов. Он получил и зарплату, поэтому, вернувшись в Москву к новому учебному году, чувствовал себя уверенно: в голове – первый практический опыт, в кармане – внушительная сумма денег.

М. П. Кончаловский полностью окупился в клиническую диагностику, с удовольствием посещал лекции признанных мэтров того времени – профессоров Московского университета Владимира Петровича Филатова, Сергея Сергеевича Корсакова, Алексея Александровича Остроумова, Григория Александровича Кожевникова. В это же время начали формироваться основы будущей теории лечения М. П. Кончаловского, которой медики пользуются и по сей день.

В 1899 г. молодой врач Максим Петрович Кончаловский поступил экстерном в факультетскую терапевтическую клинику

своей «almamater», возглавлял которую профессор Шервинский. Здесь и были написаны его первые труды.

В 1911 г. М. П. Кончаловский начал работу над диссертацией. Свой труд он написал за считанные месяцы, и на защите единогласно был провозглашен доктором медицины. В это время он по собственной инициативе начал читать циклы лекций, первая из которых называлась «Секреторные невроты желудка». Именно тогда он становится «кузнецом» клинической медицины, в основе каждой его научной работы лежат клинические случаи.

В 1918 г. Максим Петрович Кончаловский получил кафедру Госпитальной клиники на Высших женских курсах. Особенно тяжело было первый год: клиника не отапливалась, ходить на работу приходилось пешком, питание было очень плохое. Но коллектив работал дружно, с энтузиазмом. Вместе с профессором Минцем Максим Петрович начал читать соединенные лекции по смежным вопросам внутренней медицины и хирургии. Эти лекции имели большой успех, вдобавок в те годы огромное распространение имела язва желудка, тогда же определилась и рентгеновая картина этой болезни, а хирургическое лечение стало более совершенным. С этого же времени Кончаловский начал оттачивать свой знаменитый метод клинической диагностики:

Максим Петрович Кончаловский обладал удивительно приятным тембром голоса и доверительной интонацией речи. Вкупе с солидной внешностью эти факторы оказывали благотворное влияние на пациентов – рекомендованные им ле-



Портрет М.П. Кончаловского кисти его младшего брата П.П. Кончаловского, 1934 г.

карства нередко были более эффективны, чем те же препараты, назначенные участковым врачом, потому что к воздействию медикаментов добавлялся положительный психологический эффект.

Вскоре Н. А. Семашко пригласил Кончаловского председательствовать в Центральную Курортную комиссию. Максим Петрович с головой окунулся в новую для него работу по разработке проекта курортной клиники в Москве. Он организует Курортный Институт, внедряет методики научной работы на курортах.

Кончаловский всегда утверждал, что медицина – самая важная из наук. И если еще можно допустить существование плохих писателей, художников, артистов, то врач не может быть плохим, он не имеет права на ошибку. Понимая, что для накопления нужного клинического опыта недостаточно никакой человеческой жизни, Максим Петрович настойчиво рекомендовал своим ученикам знакомиться с историей науки, с опытом великих врачей прошлого.

Параллельно Кончаловский начинает работу консультантом в Институте профессиональных заболеваний имени В.А. Обуха, где был настоящий кладёзь необычных клинических случаев. Как правило, их разбор происходил экспромтом.

*Из воспоминаний М. П. Кончаловского: «Эти разборы я очень любил. Мне представляли больных с массой все-*

*возможных анализов, и я быстрыми и смелыми ударами отбрасывал всё лишнее и лепил диагностическую гипотезу. Я чувствовал, что эти разборы приносили в равной степени пользу и мне и врачам. Я приучал себя выбирать ведущие, главные признаки и отбрасывать шелуху, а они привыкали к более часто повторяющимся закономерностям и к большей последовательности мышления. Я убедился в том, что специально профессиональных болезней нет, что все болезни одинаковы, причина их всегда сложна, и в ней надо всегда искать главный, решающий момент».*

Главный постулат метода Кончаловского – болезнь как «совокупность сложнейших функциональных актов с нарушением реактивной способности организма». Максим Петрович настаивал на тщательном индивидуальном подходе к больному, более того, считал ненаучным при обследовании придерживаться готовой, заранее выработанной схемы истории болезни. Он четко видел, что морфологический диагноз не может удовлетворить врача, что анатомия бессильна отразить динамику живого организма.

М. П. Кончаловский впервые обосновал понятие о синдроме. Свое первое сообщение о гепатолиенальном синдроме он представил на X съезде Российских терапевтов в Ленинграде в 1926 г. Некоторыми учеными оно было встречено скептически, но скоро понятие вошло в клинику, физиологи и клиницисты приняли синдромную точку зрения как наиболее рельефно обрисовывающую характер болезни.

*Из воспоминаний М. П. Кончаловского: «Диагноз на основании динамического направления клиники не представляется понятием стабильным. Он подвижен, изменчив и состоит из трех фаз: фаза морфологическая, фаза патогеническая, освещающая механизмы, двигающие болезнь и, наконец, фаза этиологическая. Это распространённое, проникновенное понимание диагноза позволяет лучше осветить вопросы прогноза и, что очень важно у нас особенно, прогнозы для трудоспособности. Вариации болезни сталкиваются с вопросами течения болезни».*

Максим Петрович начал интересоваться предболезненными состояниями и явлениями малой функциональной патологии. Ученый отчетливо понимал: болезни не развиваются внезапно, при внимательном наблюдении можно видеть некоторые, еще неясные черты будущего серьезного страдания, что некоторые болезни только и могут развиваться на специально подготовленной почве. Например, рак не растет из нормального эпителия, раку бронха предшествует бронхит, или повторные пневмонии, или запыление, а язве желудка – длительный период функциональных расстройств отправления желудка. Методы функциональной диагностики того времени позволяли изучать эти скрытые состояния, и открывали путь для наблюдений и построения методов предупредительного лечения.

Особую роль Кончаловский сыграл в изучении отечественной ревматологии, через тридцать лет он сделает знаменитый доклад о патогенезе ревматизма на II Международном конгрессе по ревматизму в Льеже (Бельгия), а в 1932

году на XI Всесоюзном съезде терапевтов расскажет о начальных признаках хронического ревматизма. Он будет идейным вдохновителем и организатором знаменитого IV Международного конгресса по ревматизму в Москве, где представит свою работу о циклическом течении острого ревматизма, и первым в СССР досконально исследует роль ревматизма в происхождении заболеваний сердечно-сосудистой системы.

На XI Всесоюзном съезде терапевтов свой программный доклад профессор Кончаловский начал следующими словами: «Настало время, когда, наконец, медицина соединенными усилиями врачей всех специальностей должна сбросить завесу и открыть тайну интимной природы ревматизма, и таким образом рассеять тот туман, который еще до сих пор стелется над этой болезнью. Едва ли найдется в клинике более сложный и более запутанный вопрос, как вопрос об этиологии и патогенезе так называемых ревматических заболеваний». «Тайну интимной природы ревматизма» XI съезд не открыл, но зато в полной мере обсудил и утвердил новую концепцию ревматизма как определенной нозологической единицы. Стоит, впрочем, отметить, что многие из выступавших на съезде не успели еще осознать все своеобразие ревматизма как строго обособленной нозологической единицы и, говоря об этиологии, патогенезе и лечении ревматизма, имели в виду заболевания суставов самого разнообразного происхождения. Именно поэтому профессор Талалаев, один из коллег Кончаловского, имел полное основание сказать, что «преодоление уже устаревшего представления о ревматическом заболевании как о болезни суставов встречает сейчас немалые затруднения».

К тому времени заслуги великого врача были впечатляющими. В 1933 г. под его редакцией был издан учебник по внутренним болезням, с 1933 по 1935 годы – знаменитый трехтомник клинических лекций: первый том профессор посвятил заболеваниям сердечно-сосудистой системы, второй – заболеваниям желудочно-кишечного тракта, почек, желез внутренней секреции, третий рассказывал о заболеваниях органов дыхания и кроветворения. Каждая книга, каждая лекция Максима Петровича вызывали шквальные овации. Вот как профессор описывал одну из своих лекций того периода, посвященную атеросклерозу (или, как было принято говорить в то время, артериосклерозу) и гипертонии:

*Из воспоминаний М. П. Кончаловского: «Я, признаться, был смущен той грандиозной аудиторией, которая там собралась. Две самые большие аудитории были переполнены. В одной я читал, а в другую передавали по радио... Многие стояли на улице и не могли протолкнуться в зал. Я читал с увлечением, но едва ли удовлетворил слушателей, ибо они все хотели выздороветь от моей лекции в один вечер. Тема сама по себе очень интересная, и я старался в более или менее популярной форме изложить современное учение об артериосклерозе с его сложным патогенезом».*

Стоит отметить, что уже в конце 30-х годов Кончаловский понимал необходимость научного контакта внутренней медицины с неврологией. Он постоянно подчеркивал важность работ И. П. Павлова, и считал, что терапевты всегда должны опираться на его труды. Недаром Максим Петрович называл Павлова «величайшим терапевтом» и полагал, что достижения этого ученого необходимо изучать и использовать не только психиатрам, но и врачам других специальностей.

Последний терапевтический съезд в жизни М. П. Кончаловского состоялся в мае 1935 г. Тогда основная полемика развернулась вокруг тем «гастрит» и «сердечно-сосудистая недостаточность». Кончаловский выступил с докладом по гастритам, в котором подвел итог клинико-физиологической работы своей клиники, где на протяжении последних лет велись работы по изучению экскреторной, всасывающей, водной и слизиной функции желудка. Этот доклад вскоре был напечатан в «La Presse Medicale».

Даже во время Великой Отечественной войны Максим Петрович продолжал читать лекции, хотя, как он сам признавался, после бомбежек и бессонных ночей ему было очень нелегко собираться с мыслями, чтобы разбирать перипетии болезни. В середине октября 1941 г. Максим Петрович с большим трудом вместе с семьей смог выехать в Куйбышев.

В эвакуации Кончаловский почувствовал себя плохо. Начались частые и сильные боли в животе, пропал аппетит, мучила жажда. К весне 42-го он ослабел настолько, что перестал выходить из дома. Но профессор не мог переносить бездельность, конечно, он пытался вести прием в местной поликлинике, но разве такая работа могла сравниться с его активным образом жизни в Москве? И, как только появилась возможность вернуться в Москву, Максим Петрович воспрял. Он даже пробовал читать лекции, сделал доклад в Терапевтическом обществе и провел ответственную консультацию. Но болезнь уже не отпускала, возобновились резкие боли в животе, и 29 ноября 1942 г. великий врач скорострительно скончался.

Сегодня, спустя годы, понимаешь, что медицинский мир в тот день осиротел. Но выдающиеся советские ученые Е.М. Тареев, В.Н. Смотров, С.А. Поспелов, С.А. Гиляревский, А.Г. Гукасян и многие другие продолжили его научную работу, а его семья, друзья и благодарные пациенты сохранили память об этом необыкновенном человеке, великом Враче.

*А. Л. Верткин,  
д.м.н., профессор, зав. кафедрой клинической  
фармакологии Московского государственного  
медико-стоматологического университета,  
Президент Национального научно-практического  
общества скорой медицинской помощи.  
127473, Москва, ул. Делегатская, д. 20/1  
E-mail: kafedrakf@mail.ru*

Поступила: 03.12.2015  
Принята в печать: 03.12.2015